

Надия Микаил

Выходя
из дома,
не забудьте
кота

Трогательный, уникальный, невероятно уверенный
дебют, полный гармонии и богатства жизни, горечи
утраты и безусловной любви.

The Guardian

Надия Михаил
Выходя из дома,
не забудьте кота
Серия «Эмоцио»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74228471

Выходя из дома, не забудьте кота: Азбука, Издательство АЗБУКА;

СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34440-2

Аннотация

У семнадцатилетней Айши большие планы: университет, работа мечты, долгая жизнь вместе с любимым, в будущем – общие дети. Однако Вселенная решает иначе. Так уж вышло, что осталось восемь месяцев до того, как в Землю врежется метеорит, и никто не знает, что будет дальше.

Вместо того чтобы отчаиваться, Айша вместе с матерью, своим парнем и его родителями отправляется в путешествие через всю Малайзию. А вместе с ними – рыжий дворовый кот Блохиш, который однажды просто увязался следом. Цель попутчиков: найти старшую сестру Айши, сбежавшую из дома три года назад. Но думает каждый из них только о том, как бы успеть сказать друг другу главные слова, пока не стало слишком поздно.

Надия Микаил родом из Саравака (Малайзия) – места, где «воздух всегда слаще, а еда вкуснее». «Выходя из дома, не забудьте кота» – ее дебютный роман.

Впервые на русском!

Содержание

Кот. Часть первая	7
Кот. Часть вторая	11
История о Джун	14
Уход Уолтера	19
Объяснение	23
Решение	28
После обеда	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Надия Микаил Выходя из дома, не забудьте кота

Посвящается Ребенку

Nadia Mikail

THE CATS WE MEET ALONG THE WAY

Text copyright © Nadia Mikail, 2022

Inside illustrations © Nate Ng

Иллюстрации Нэйта Нг

© О. М. Обвинцева, перевод, 2026

Издательство Азбука®

Кот. Часть первая (Настоящее время)

У кота, который следовал за ними до самого дома, не хватало одного уха, а на левой задней лапе зияла проплешина. Он был рыжим – самого неприглядного, грязного оттенка, напоминающего цвет протухшего рыбного карри.

– Кыш! – бросила ему Айша. Но рыжий и ухом не повел.

– Не будь злючкой! – укорил ее Уолтер. Затем присел на корточки и наклонил темноволосую голову, чтобы как сле-

дует рассмотреть животное. Улыбнувшись, он обнажил кривоватые резцы. – Ты потерялся?

– Мяу! – нетерпеливо отозвался кот. Для Айши его ответ прозвучал так: «Разумеется, нет. Я иду с вами, в мой новый дом».

Уолтер поднялся, и они продолжили свой путь, свернув на улицу, где жила Айша. Кот не отставал, словно давно знал этот район.

– Ох, у него наверняка блохи, – обеспокоенно заметила девушка и еще раз попыталась отогнать животное – уже настойчивее.

– Думаю, теперь это не важно, – обронил Уолтер, оставив при себе фразу «ведь мы и так скоро все умрем». – Я не хочу, чтобы он был один, когда... ну... тогда.

Айша подумала, что все равно предпочла бы умереть без зудящей головы, так что нет, спасибо. Открыла лаймово-зеленую входную дверь и сказала:

– Привет, мак!¹

– Привет, сайанг², – ответила мать, поднимая взгляд от тетради в линейку, куда записывала рецепты. Яркие лучи с трудом пробивались сквозь грязное окно. Казалось, солнце тоже было на последнем издыхании. Впрочем, все нынче было на последнем издыхании. – Привет, Уолтер. Привет, бродячее животное, которое мне точно не нужно на кухне.

¹ Мак – ласковое и уважительное обращение к матери (мал.).

² Сайанг – здесь: «милая» (мал.).

Айша посмотрела на Уолтера и пожала плечами – было видно, что мамины слова ее ничуть не расстроили.

– Ты слышал, что она сказала. Ее кухня – ее правила.

Однако Уолтер уже перевел взгляд на маму Айши, и девушка поняла, что дело проиграно. Они долго смотрели друг на друга: Уолтер без слов передал Эсах жалобное послание о том, что не хочет оставлять кота одного во время Конца. Его глаза были полны мольбы. Айша уловила момент, когда взгляд матери смягчился. Секундой позже Эсах спросила:

– Так как его зовут?

– А это точно «он»?

Эсах махнула рукой в сторону кота, который сидел на придверном коврикe, вылизывая явное доказательство своей принадлежности к мужскому полу.

– Хмм, – протянул Уолтер. – Как назовем, Ша?

– Блохиш, – отрезала Айша.

Уолтер мягко щелкнул ее по уху большим и указательным пальцами:

– Не будь такой злючкой.

– Знаешь, мне кажется, это имя к нему прицепится, – сказала Эсах и рассеянно улыбнулась Блохишу. Слово в подтверждение ее слов, тот демонстративно лизнул себя между лапами.

– Блохиш, – повторил Уолтер, снова присаживаясь на корточки, и почесал коту шейку. – Не обижайся на нее. Считай это просто ласковым прозвищем.

Айша наблюдала за матерью, которая все еще поглядывала на пушистого. Ей стало интересно – о чем та задумалась? Джун как-то рассказывала: раньше за отцом тоже вечно увязывались бродячие коты – буквально наступали ему на пятки, терлись головой о лодыжки. Не исключено, что, глядя на морду Блохиша, Эсах вспоминала те ушедшие моменты.

Кот. Часть вторая (Настоящее время)

Возможно, проблема была в том, что, если бы не конец света, Айша и Уолтер поженились бы. Айша иногда представляла их совместную жизнь, день за днем, год за годом: помолвка, покупка дома, появление собаки, широкая улыбка первенца, пухленькие кулачки второго малыша. Ленивые утра, ее любимая тарелка с лаксой³, принесенная в кровать. Вот она упаковывает обеды для себя и для него на работу, а вот они с Уолтером проводят воскресные вечера, прогуливаясь в ближайшем парке.

Она была бы счастлива. Они оба были бы без ума от сво-

³ *Лакса* – блюдо перанаканской кухни, распространенное в Малайзии, Сингапуре и Индонезии. Представляет собой острый суп с лапшой.

его незамысловатого счастья. А сейчас, когда до гибели человечества оставалось восемь месяцев, они ругались чаще, чем когда-либо.

Айша назвала бы первого ребенка Амином, в честь дорогого дядюшки, любимого брата отца. И Уолтеру бы понравилось это имя – она рассказала ему столько историй о том, как дядюшка каждую пятницу водил ее на качели, пока не умер. Айша могла бы поступить в колледж и начать заниматься волонтерской деятельностью. Уолтер переходил бы из одной профессии в другую, находясь в непрерывном поиске и со всей страстью погружаясь в каждое заинтересовавшее его дело. Айша могла бы путешествовать по миру. У них появилось бы много кошек – Уолтер не устоял бы перед всеми бродячими животными, преследующими их до дома.

Сейчас же Уолтер сидел за кухонным столом и сюсюкал с Блохишом, говоря ему всякие глупости, а Айша просто любила его. Любила отчаянно, больше всего на свете.

– Знаешь, – тихо произнесла Эсах, плавно прерывая мысли дочери, – я все думаю про Джун. – Ее слова звучали буднично, словно она попросила добавить еще один продукт в список покупок.

И Айша, и Уолтер резко подняли голову. Блохиш не выносил, когда внимание уделяли кому-то другому, поэтому грациозно спрыгнул на пол и зашагал прочь. Он двигался так уверенно, словно был у себя дома, и в голове у Айши пронеслось, что теперь, видимо, так оно и есть.

– Да? – отозвалась Айша с осторожностью. Она чувствовала, будто ее пригвоздило к месту, будто что-то сжимало ей горло, и задумалась, не паника ли это. – Все хорошо? Ты что-то узнала?

– Нет, я ничего про нее не слышала. – Эсах не глядя поставила синюю миску с тестом для пирога в раковину и открыла кран. – Просто подумала, что хочу поступить правильно. Учитывая... ну, все происходящее.

– Все... – эхом повторила Айша. – Так ты хочешь к ней поехать?

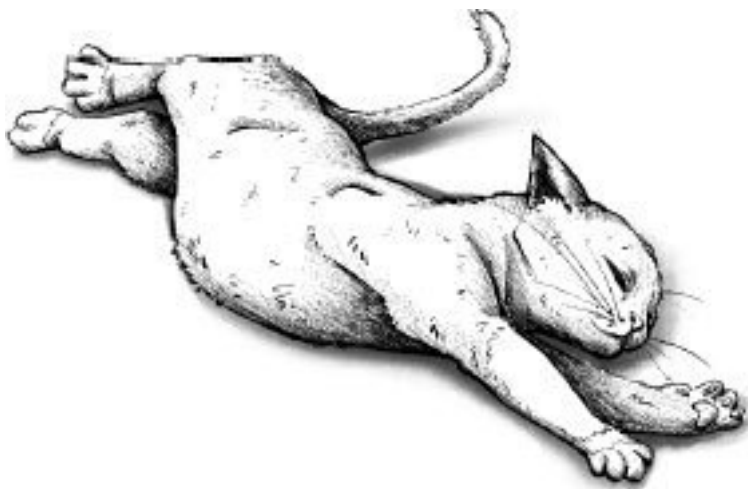
Уолтер смотрел то на Айшу, то на ее мать, словно следил за теннисным матчем.

– Может быть, – ответила Эсах, безэмоционально глядя на то, как вода заливает тесто. – А что мне еще остается делать? – Она не стала договаривать: «Сейчас, когда у нас совсем не осталось времени».

Айша подошла к маме, нежно обняла ее со спины и потянулась вперед, чтобы закрыть кран. Тесто лежало в воде, непригодное для дальнейшего использования. Наконец заметив это, Эсах раздраженно фыркнула, а потом пробормотала, что пирога сегодня не будет.

– Что *нам* еще остается делать, мак, – поправила ее Айша. – Я с тобой. – Игнорируя неприятное чувство, сдавливающее грудь, она твердо кивнула, потом прижалась лбом к теплому плечу матери и попыталась говорить уверенно: – Все будет хорошо.

История о Джун (Три года назад)

Джун было девятнадцать, когда она решила, что с нее хватит.

– В смысле, «хватит с тебя этого дома»? – требовательно спросила Айша, следуя за сестрой по комнате, пока та перебирала вещи: внимательно рассматривала каждую, а потом либо возвращала на место, либо в чемодан – большой, потрепанный, вызывающе розовый.

Джун выпросила его в шестнадцать, когда планировала

отправиться в Европу. Месяц она дулась, смиренно выполняя все домашние обязанности, пока мама наконец не сдалась. Она разрешила поездку, но заставила дочь установить на телефон отслеживающее приложение – чтобы проверять, что она находится именно в тех местах, которые собиралась посетить, и ровно в то время, в которое обещала.

– Просто я... – Джун задумчиво посмотрела на сестру, затем на свой чемодан и на плюшевого динозаврика Лалу. – Дело не в самом доме. Это метафора.

– Мы не на уроке литературы! – Айше было пятнадцать, и она беспокоилась за сестру. Наблюдая за тем, как Джун подняла пару носков и резко швырнула их в глубину шкафа, она продолжила: – Метафора чего?

Джун замерла и уставилась на нее так, словно все было очевидно.

– Того, что если я сейчас не уеду, то останусь здесь на всю жизнь, – ответила она.

– Не останешься, тебе же надо поступать в университет!

– Да ну его, этот университет! – огрызнулась Джун. В тот день она сдала последний выпускной экзамен. Насколько Айша помнила, по литературе, – видимо, поэтому сестру так тянуло на метафоры. – Я не буду туда поступать. Просто не сказала об этом тебе и мак. Вы бы сразу начали меня доставать, а так я хотя бы смогла насладиться последними месяцами в вашей компании... Я не умираю, Ша. Я по-прежнему останусь твоей сестрой.

С этими словами она села на свою выцветшую розовую кровать и сжала плечи Айши так, будто ни за что не хотела их отпускать (но отпустила).

– Я просто... хочу найти себя.

Айша пристально смотрела на Джун: на ее глаза, полные маниакального блеска, на ярко-розовые пряди в волосах.

– Ты и здесь можешь это сделать.

– Не могу. Я знаю, что не могу, – упрямо ответила Джун, которая была уверена в своих словах так же, как и во всем остальном.

– А что мак скажет? – спросила Айша в последней отчаянной попытке переубедить сестру. В конце концов, она была уже достаточно взрослой, чтобы сказать Джун напрямую: «Пожалуйста, не уезжай. Подожди еще чуть-чуть». Но промолчала.

– Вот в этом-то и загвоздка. Если бы она только могла меня понять... Но она... хотя никогда не знаешь, может, и поймет. – Джун задумчиво потерла подбородок, а потом с надеждой посмотрела на Айшу. – Может, скажешь ей что-нибудь? Вдруг поможет?

– Ты хочешь, чтобы я сказала что-то, – медленно переспросила Айша, – что поможет ей тебя отпустить?

– Она тебя слушает, – сказала Джун, что, по мнению Айши, даже отдаленно не походило на правду. – Ты ее непроблемный ребенок. Поговоришь с ней, чтобы она сильно не расстраивалась?

– Никакие мои слова здесь не помогут, – уверенно ответила Айша.

Однако, проигнорировав сомнения сестры, Джун приняла ее слова за согласие. Почувствовав себя чуточку счастливее, она повернулась и бросила расческу в чемодан.

* * *

В тот же вечер она рассказала все матери за ужином. Эсах спросила: «А как же университет?» Потом ответила: «Ты слишком юна, чтобы знать, чего хочешь». Затем закричала (а она редко кричала): «Если уйдешь сейчас, то уйдешь навсегда. Ступай! *Sik kenang budi*»⁴.

А после воцарилась тишина, которая казалась еще более невыносимой, чем множество других случаев затянувшегося молчания в этом маленьком доме. Джун ничего не ответила. Айша чувствовала, как взгляд сестры прожигает в ее затылке дыру. Он ощущался как мольба, отчаянная и полная боли. Айша уставилась на жареную рыбу. Она так сильно желала унести подальше отсюда, что в какой-то момент почти перестала ощущать на себе этот взгляд. Так они втроем и сидели за столом, не проронив ни слова, пока тарелки не опустели. Джун помыла посуду и поднялась к себе в комнату.

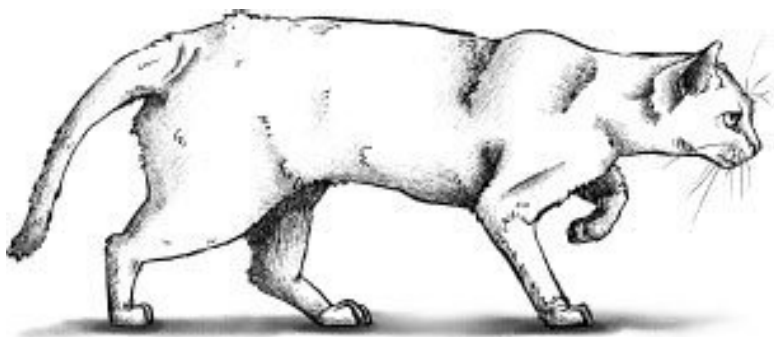
Час спустя шокирующе броский розовый чемодан на гла-

⁴ Здесь: не ценишь нас (мал.).

зах у всей улицы покатился по тротуару вдоль дома. Несмотря на опущенную голову с падающими на лицо яркими прядями, Джун уверенно вела его за собой – прочь отсюда.

Айша ощущала, как с каждым шагом сестры в ее душе раскрывается новая рана. Она уже теряла близких, но те умирали, а не уходили по своей воле. Джун же просто взяла и ушла. Она решила исчезнуть навсегда. Решила больше никогда не возвращаться.

Уход Уолтера (Настоящее время)

– Думаю, мне пора. – Уолтер поднялся из-за стола. – Мама ждет.

– Пока, Уолтер, – рассеянно отозвалась Эсах, помахав ему. – Будь осторожен.

Она любила Уолтера так же, как и все, кто был с ним знаком: от всего сердца и с легким удивлением, словно они не осознавали, когда это началось, но теперь не хотели, чтобы было иначе.

– Пока, тетушка, – вежливо ответил он и помахал в ответ. Уолтер почесал Блохишу шейку, помыл руки и позволил Айше проводить себя до двери.

Айша точно знала, в какой момент полюбила Уолтера. В этом не было ничего внезапного, это не было каким-то озарением. Просто однажды ночью он отправил ей сообщение: «Хей, можно тебе позвонить, чтобы обсудить это?» – и они проговорили до рассвета: обсуждали «Антония и Клеопатру», разбирали «Как вам это понравится» – книги, которые тогда проходили на уроках литературы. Потом говорили о его родителях, ее мак, его собаке, об отсутствии у нее домашних животных, о его любви к низкопробным реалити-шоу, ее любимой книге Толкина. Айша рассказала, как однажды упала с турника в детском саду и побежала в слезах к старшей сестре. Уолтер поведал, как мама забыла его на воскресном рынке, и он сидел среди овощей и фруктов, пока она не вернулась и не взяла его на руки. Айша призналась, что боится крови, но старается преодолеть этот страх. Уолтер поделился историей о первом неловком свидании в кафе «Балуддин». Айша обмолвилась, что хочет увидеть мир, посетить столько городов и стран, сколько сможет, и что чувствует себя ужасно виноватой из-за этого желания. Уолтер поделился, что всерьез мечтает стать писателем, а еще математиком и морским биологом, – в мире столько всего, чем можно заняться! Вот только времени, пожалуй, маловато.

Потом она положила трубку и сказала себе: «Ну хорошо». Айша не считала Уолтера идеальным. Прошло уже два года с того разговора. За это время она узнала, что он чавкает за столом, мучается нерешительностью, что он собирает-

ся носить свои истертые до дыр кроссовки, пока те окончательно не развалятся прямо посреди улицы. Запомнила, что иногда он недостаточно ценит родителей, может быть избалованным и колким, даже упрямым – как она сама. Айша любила все это в нем – пылко и осознанно. Начиная с того самого первого звонка голос Уолтера был с ней всегда – теплый, как любимое кресло, как постель, как кухня воскресным утром, когда мама что-то печет, – мурлыкающий, живой.

* * *

– До завтра? – спросила Айша.

– До завтра, – ответил Уолтер, наклоняясь к ней и мягко утыкаясь носом в щеку – легкое, немного щекочущее прикосновение. Мгновение спустя он отстранился и принялся ласково тыкать ее в шею, подбородок, живот – все быстрее и быстрее, пока Айша не захихикала и не начала отмахиваться.

– Ты самый настоящий ребенок, – сообщила она ему. – Так только дети себя ведут.

– Все будет хорошо, – ответил Уолтер и крепко обнял ее. Он никогда не обращался с Айшей так, будто она хрупкая. Ведь она таковой не была.

Он обнимал ее до тех пор, пока тревога не улетучивалась, медленно покидая тело тонкой струйкой. Таков был Уолтер:

уверенный в своей способности делать невозможное, например избавить ее от беспокойства, стоит только приложить достаточно усилий. И он не ошибался. По мнению Айши, будь у Уолтера побольше времени, ему не было бы равных. Он бы и писал, и считал, и погружался в морские глубины – и продолжал бы жаждать большего.

Когда он отстранился, Айша все еще чувствовала на коже следы от его прикосновений: легкий толчок носа, короткое касание губ.

* * *

– Люблю тебя, – сказал Уолтер как нечто само собой разумеющееся. Улыбнулся милой, простой, сияющей улыбкой. – Встретимся после обеда. В три.

– Хорошо, – ответила Айша. – Договорились.

Объяснение (Четыре месяца назад)

В самый обычный вторник мир узнал, что ему скоро придет конец.

«ЧЕРЕЗ ГОД!» – кричали заголовки. Тогда еще писали заголовки. Астероид мчится нам навстречу, столкновение с Землей положит миру достойный Голливуда конец. Это действительно напоминало сцену из фильма. Хотя порой все казалось жестокой затянувшейся шуткой.

В момент, когда объявили новости, Айша и Уолтер гуляли по пляжу. Все вокруг купалось в золотистом свете, волны накатывали и убегали, снова накатывали. Они приехали сюда на выходные, оставив телефоны дома. Когда люди начали вскрикивать, Айша и Уолтер смеялись. А потом пляж опустел – быстро, словно одна из отступающих волн утянула всех в море.

Айша подумала: «Цунами». Следом пришли мысли: «Бомбежки, коллапс экономики, массовая стрельба». Они с Уолтером сели в машину и весь путь до дома провели в молчании. Эсах встретила их у лаймово-зеленой двери – лицо бледное, руки дрожат. Айша осознала, что на них вот-вот обрушится все и сразу и всему придет конец.

Вот как, согласно прогнозам, должен был произойти конец света.

Мир охвачен огнем и дымом – горит все. Землетрясения и цунами разрушают то, что осталось. Вулканы извергаются, вода становится зараженной, воздух превращается в яд, солнце больше не светит – кругом тьма.

Оказалось, что правительственные структуры разных стран уже четыре года были в курсе и разрабатывали планы: от сбивания астероида и строительства огромных подземных бункеров до воплощения фантастических идей по переселению землян на другую планету. Однако, когда выяснилось, что ничего не сработает, они обратились к своим гражданам.

«Настали темные времена, – так начиналась любая речь, –

однако не стоит забывать об одном: человечество, сплотившееся перед лицом неизбежного, невозможно сломить». Обращение посмотрели почти во всех уголках света: у кого-то видео всплыло при скроллинге ленты, у кого-то появилось на экране во время вечернего просмотра сериала. Некоторые слышали его по радио, а кто-то прочел на смарт-часах. Кто-то только проснулся и узнал обо всем из новостей.

Многие сразу начали копать бункеры и строить укрытия. Тогда ученые выпустили свое обращение, в котором сообщили: даже самые крепкие убежища надолго не спасут – уж поверьте, все просчитано. Со всех уголков мира они организовывали телеконференции: «Проведите оставшееся время с родными и близкими. Возьмите от отпущенного нам срока все. Помолитесь». Лица у них были каменные, обреченные, каждое мнение подтверждалось фактами и логикой: в конце концов, именно эти люди провели последние несколько лет, отчаянно пытаясь найти решение.

Все это было, когда еще показывали новости. Постепенно все прекратилось – люди перестали надеяться. Из источников информации осталось только радио, по которому еще передавали послания и музыку тех, кто до сих пор тянулся к миру и пытался порадовать его.

Сразу после объявления о катастрофе по всем уголкам планеты прокатилась волна насилия, ярости и отчаяния. Был период, когда люди дрались за доступ к еде и предметам первой необходимости. Все государственные институты, в том

числе и органы правопорядка, были разрушены. Айша и Эсах провели около месяца за закрытыми дверьми, забаррикадивав окна. А воздух был пропитан невысказанной тревогой о Джун. До них доходило немало жутких слухов. Некоторые люди поджигали все вокруг, движимые отчаянием и разочарованием от того, как много они трудились всю свою жизнь и как мало у них осталось в результате. Были и другие, которые прибегали к жестокости без всякой причины, просто потому что могли. И наконец, ходило немало историй о тех, кто просто сдался.

Время шло, и положение вещей менялось. Поводов для осторожности по-прежнему хватало. Гнев и отчаяние все еще переполняли людей. Однако большинство из них начали потихоньку выбираться на свет, выращивать еду и работать, чтобы обмениваться необходимыми вещами. Создавать сообщества, чтобы выжить в то время, что у них осталось.

Такой порядок жизни оказался более-менее устойчивым. Приоритеты были у всех одни: здоровье, отсутствие голода и возможность проводить время с семьей. Люди все еще работали на добровольных началах, стараясь внести свой вклад в общее дело и помочь другим. Они позаботились о работе мобильной связи, чтобы в любой момент можно было позвонить до родных. Все беспокоились о лекарствах, еде, способах добраться до членов семьи, живущих далеко. В случае вспышек насилия сообщества делали все возможное, чтобы защитить друг друга.

Всем было хорошо известно, что миру скоро придет конец. Этот факт мог бы довести до отчаяния; и действительно, некоторые погрязли в ощущении безнадежности происходящего: их воля к жизни затухала, словно свеча под безжалостным порывом ветра.

Но были и те, кто продолжал делать все возможное, руководствуясь принципом: пока мы еще здесь, жизнь должна продолжаться. Эти люди знали, что для них важно.

Они знали, что делают это друг для друга.

Решение

(Настоящее время)

Айша смотрела вслед Уолтеру, пока тот не завернул за угол в конце улицы. Потом взглянула на небо: розовые оттенки становились бледнее, уступая место насыщенному синему. Затем она вернулась, открыла ярко-зеленую дверь и позвала маму:

– Мак?

– Я здесь, – отозвалась Эсах.

Айша направилась в комнату матери, отпихнув Блохиша ногой, когда тот попытался последовать за ней.

– Тебе здесь не место, – прошипела она.

Кот зыркнул на нее настолько зло, насколько вообще способны кошки.

Эсах сидела на кровати. Когда Айша появилась на пороге, она выглядела испуганной.

– Сайанг, – отозвалась она, – ты голодна?

– Мак... – начала было Айша.

Положив руки на колени ладонями вверх, Эсах какое-то время молча смотрела на них, а затем сказала:

– Ума не приложу, где она может быть...

После ухода дочери Эсах ни разу не пыталась с ней связаться. Как, впрочем, и сама Айша: ведь это Джун решила все бросить. И насколько Айша знала, ее сестра тоже не искала связи с семьей. Хотя могла вернуться в любой момент, стоило только захотеть.

С тех пор как Джун покинула дом, они больше о ней не говорили. Эсах убрала все фотографии в рамках с изображением второй дочери – однажды Айша пришла домой, а их уже нигде не было. Обратно снимки никто так и не вернул. Создавалось ощущение, что на их прежних местах появились дыры. Айша и Эсах тщательно вытирали пыль с поверхностей, где раньше стояли фотографии, словно обеззараживая пораженные участки кожи, чтобы те не загноились.

Потеря Джун поначалу ощущалась как рана. Айша приложила немало сил, чтобы отогнать от себя эти мысли. Со временем рана затянулась, и девушка старалась ее не трогать – свежий рубец тыкать не полагается.

– Мы можем попытаться найти ее, – набралась смелости Айша. Даже сейчас, три года спустя, шрам ныл. – Правда.

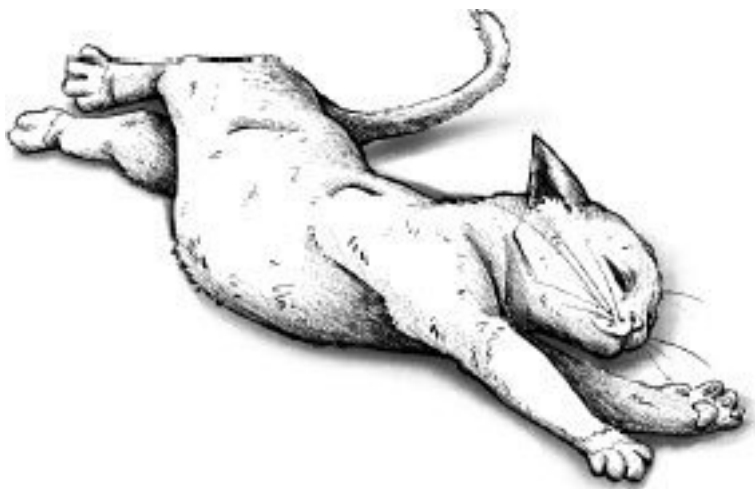
Мне кажется, я знаю, где она. Точнее, где она может быть.

Теперь они обе стояли в спальне. Если бы Айша зажмурилась, то легко вспомнила бы множество эпизодов, когда мать лежала, свернувшись калачиком, под этим самым одеялом и смотрела в пустоту. Сейчас подобное случалось редко, но Айша сюда все равно почти не заглядывала.

– Можно попробовать, – согласилась Эсах, отводя взгляд.

Никто из них не сказал: «Мы обязаны это сделать, выбора нет». Кожа на свежих ранах тонкая, ее легко повредить.

После обеда (Настоящее время)

Эта ночь для Айши выдалась бессонной: девушка просто лежала и смотрела в окно на луну. В очередной раз вспоминала момент, когда волна откатилась обратно в море, люди покинули пляж, а Уолтер сказал: «Дай мне эскимо, нет, лучше рожок... Хотя нет, все-таки эскимо, пожалуйста». Тогда она запустила руку в мини-холодильник и рассмеялась, нащупав что-то вроде прохладной каши. Мороженое растаяло – крышка холодильника была плохо закрыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.